

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Среда, 15 сентября 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 50 (686)

ЧЕХОВ И НАШЕ ВРЕМЯ

Молодой Горький в 1898 году писал Чехову: «Хорош Мопассан, и очень я его люблю, вас — больше его. Я вообще не знаю, как сказать вам о моем преклонении перед вами, не нахожу слов и — верьте! я искренен. Вы могучий талант».

Со времени этого письма прошло почти сорок лет. Камня на камне не осталось в нашей стране от той жизни, которую изображал Чехов. И сам собой возникает вопрос: отошел ли он для нас в прошлое вместе с тем мрачным временем и теми «хмурыми людьми», которых он изображал?

В первые годы революции ретивые футуристы заявляли о том, что Пушкин, например, должен быть выброшен с «корабля современности».

Рабочий класс и его партия начисто отвергли этот вреднейший нигилизм по отношению к классической литературе, и сейчас уже никому не придет в голову оспаривать необходимость критического освоения культурного наследия прошлого. Но является ли творчество Чехова живой частью этого огромного наследия или только архивной, хотя бы и весьма высокой, ценностью?

На этот вопрос ответила жизнь: произведения Чехова жадно читаются миллионами читателей — новых читателей. Книги его исчезают с рынка в момент появления; пьесы Чехова проходят при переполненных зрительных залах; миниатюры Чехова остаются любимыми номерами эстрадных программ; появляются все новые статьи и крупные литературные работы о Чехове.

Труднее ответить: почему нужен нам Чехов? Что общего между творцом «Палаты № 6», «Человека в футляре» и т. д. и нами — гражданами страны, построившей социализм?

Эти вопросы уже ставились в литературе, но ответы на них нас не удовлетворяют.

Указывают на исторический интерес чеховских произведений: по ним мы можем изучать историческую полосу русской жизни — 80-е и 90-е годы XIX века.

Объяснение бесспорное, но недостаточное. Если известный процент читателей Чехова и обращается к его сочинениям ради чисто исторического познания, то не подлежит сомнению, что это лишь незначительное меньшинство, подавляющему же большинству Чехов отвечает, удовлетворяя какую-то другую, гораздо более непосредственную потребность.

Иногда можно встретить чисто эстетическую оценку рассказов и пьес Чехова: они-де никого не волнуют, но ими продолжают любоваться. С наибольшей определенностью эта мысль высказана в книге «Драматургия Чехова», принадлежащей одному из лучших исследователей творчества Чехова С. Д. Балухатому, и уже в силу одного этого она заслуживает внимания. «Мы не отказываемся и сейчас, — пишет автор, — от эстетического любования чеховскими спектаклями Художественного театра. Но смысловая сущность этих спектаклей, жизненная «правда» в них нас уже не волнует, не «потрясает». Отделенные от жуткой полосы чеховской эпохи рубежом социалистической революции, мы, современники первых лет социалистического строительства, не волнуемся горестями, страданиями, надеждами людей прошлого».

Порочность этого рассуждения бросается в глаза. Не трудно понять, что «рубежом социалистической революции» мы отделены не от одного лишь Чехова, но от всей культуры прошлого. И если это обстоятельство обрекает нас на невозможность волноваться «горестями, страданиями, надеждами людей прошлого», то, стало быть, усвоение культурного наследия сведется к эстетическому любованию этим наследием — и только. Ведь неладья короля Лира с дочерьми едва ли не меньше, согласно этой теории, способны нас волновать, чем страдания Раневской из-за продажи вишневого сада.

Совершенно ясно, что связь Чехова с читателем иная, более серьезная и глубокая.

Наконец, третья и наиболее распространенная группа ответов на вопрос о том, нужен ли Чехов для нашего времени, сводится к тому, что его произведения выполняют функцию борьбы с мерзкими остатками прошлого. «Мы живем среди порядочной мещанской духоты, — писал А. В. Луначарский лет двенадцать назад, — она душит нас и в деревне, и в провинции, и в столице. Она держит в своих когтях обывателя, она прочно вцепилась еще и в рабочего, и под ее злым крылом ютится слишком часто личная семейная жизнь даже революционеров». Чехов, беспощадно преследующий эту мещанскую духоту, помогает, по мысли Луначарского, ее преодолевать. Ту же мысль высказывал в свое время М. Е. Кольцов. Биограф Чехова Ю. В. Соколов не так давно писал, что современный читатель «примет Чехова для того, чтобы вместе с Чеховым продолжать жестокую схватку с «чеховщиной» и борьбу с той пошлостью, которая все еще кое-где дает о себе знать и сегодня».



А. П. Чехов. С редкого снимка, хранящегося в Таганрогском Музее.

Бесспорно, что Чехов разоблачал и клеймил мещанскую пошлость с беспощадной силой.

Но это лишь одна из функций творчества Чехова. Неужто Чехов нужен нашим читателям лишь в меру уцелевших в нашей стране остатков мещанской пошлости? Неужто, когда остатки эти будут выкорчеваны, потребность в Чехове отпадет?

Ставить вопросы подобным образом — значит сужать вопрос о критическом освоении культурного наследия, значит изводить огромные культурные ценности до степени ограниченного временем школьного дидактического пособия.

Огромная, незаменимая роль гениев искусства состоит в приобщении миллионов ко всей гамме человеческих чувств. Любовь, ненависть, героизм, страх, восторг, скорбь, ревность, скупость, грусть, радость и т. д. — их понимание углубляется нами через образы, созданные гениями человечества.

Самое различное применение могут иметь типические образы искусства, в которых нам открываются все оттенки и глубины человеческих страстей. Но знать их — необходимо.

Чехов много темных углов осветил в человеческой душе, много новых знаков открыл в книге наших страстей, чувств и переживаний. Разве можем мы не знать «человека в футляре»? или «Душечку»? Или Ваньку, который пишет письмо на деревню своему дедушке? Или Егорушку, едущего по бесконечной «Стени»? Или рвущихся в Москву трех сестер?

Как великий художник, Чехов представляет интерес для читателей разных эпох и наций.

Так, в 1934 году виднейший английский театральный деятель Губерт Гриффит писал в «Известиях» (№ 215): «Возможно, что в СССР не знают о том, как глубоко ценят великого Чехова в странах, где говорят по-английски. Возможно, что у вас не знают о том, как его любят, знают и как им восхищаются. Поставленный недавно в Лондоне «Вишневый сад» прошел 100 раз и притом не в маленьком театре для «избранных», а в большом театре, где доминирует зритель-рабочий».

Как и всякое творчество крупного масштаба, творчество Чехова не является раз навсегда подытоженным. Каждый читатель, каждое поколение читателей берет и будет брать от него то, что ему нужно, быть может, незамеченное его предшественниками.

Невозможно предвидеть будущих путей общения этого замечательного художника со своими читателями. Одно несомненно: сейчас общение это полно жизни.